

ЕПИСКОП ПОРФИРИЙ (УСПЕНСКИЙ) КАК ВИЗАНТИНИСТ

Когда говорят о том наследии, которое оставлено для нас выдающимися деятелями Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, то, естественно, не забывают и о том вкладе, который сделан ими в отечественную гуманитарную науку и в отдельные ее отрасли. Применительно к Преосвященному Порфирию говорить о нем как о византинисте, пусть это покажется парадоксальным, необычайно трудно. Трудно, во-первых, потому, что не просто вычленишь из обширного наследия епископа Порфирия какую-то одну отрасль гуманитарного знания, даже столь обширную как византиноведение; трудно вычленишь эту отрасль, не нарушив многогранности обширнейшего его творческого наследия. Трудно и потому, что Преосвященный Порфирий представлял еще то поколение ученых, которое отличалось энциклопедизмом знаний, умением работать в эрудитском направлении и сочетало в себе все это гармонично, что потом, увы, в значительной степени было утрачено.

Но, пожалуй, самое трудное заключается в том, что наследие епископа Порфирия (Успенского) как византиниста является, увы, удручающим примером того, как много было утрачено в нашей академической ученой традиции за последующее столетие.

Для того, чтобы составить себе представление о вкладе Преосвященного Порфирия в византиноведение, причем, в византиноведение не только отечественное, но много шире — в византиноведение международное, надо вспомнить о том, что в те годы, то есть еще с середины 40-х годов прошлого столетия, когда начинал епископ Порфирий, византинист еще не располагал описанием рукописных собраний не только Афона или Синая, но и ряда европейских. В те годы еще не существовало тех справочных пособий, к которым обращается византинист нынешнего столетия; в те годы, естественно, многое даже и в жизни бытовой выглядело совсем иначе, и условия работы, ученой работы в том числе, были в определенном смысле значительно сложнее.

Так вот, епископ Порфирий начинал нельзя сказать чтобы совсем с нуля, этого, конечно, не было. Приехав в первый раз на Афон, он сразу же вспоминает, что прибыл в тот год, когда завершилось столетие с момента, как отец Василий Григорович-Барский посетил Афон, то есть, конечно же, он начал не с самого начала, но тем не менее Владыкой Порфирием были заложены прочные и надежные основы для дальнейшего развития отечественного византиноведения и, повторю: то, что им было сделано уже в середине 40-х годов прошлого столетия, сохраняло свое значение и многие десятилетия спустя. Так что пытаюсь как-то оценить вклад Преосвященного Порфирия в развитие византиноведения, надо в первую очередь помнить о том, что, действительно, он многое делал впервые и многое делал один; не следует забывать и о том, что многое из того, что он делал как ученый, он делал в те немногие часы, чаще всего ночные или полуночные, как он писал, которые ему оставались либо от богомолья на Афоне, либо от бесед с духовными старцами, либо от всех тех

обязанностей, которые ложились на него, когда он возглавлял Русскую Духовную Миссию.

Но в чем-то ему, несомненно, везло, потому что применительно к епископу Порфирию можно без преувеличения сказать, что значительную часть его вклада в развитие византиноведения составляют многие и весьма важные, первого класса открытия, которые выпадают на долю далеко не каждого гуманитария. Вспомним, что именно с именем Преосвященного Порфирия связана находка самого древнейшего кодекса — Синайской Библии. С именем епископа Порфирия связана находка древнейшей рукописи Четвероевангелия 835 года, написанного минускулом, а также и находка древнейшей датированной унциальной рукописи, которая помогает восстановить историю греческого книжного письма, особенно в очень сложной фазе ее перехода от унциала к минускулу; не последней является и находка в переплете одной из греческих книг, глаголических отрывков. Собственно говоря, даже простой перечень этих открытий мог бы занять немалое время.

Я не могу себе позволить забыть и о том, что именно епископом Порфирием были открыты беседы Константинопольского Патриарха Фотия, в которых упоминается о первом крещении Руси в 60-е годы IX столетия. Еще раз скажу: действительно, из одних только открытий, сделанных Владыкой Порфирием, может быть составлен такой перечень, для оглашения которого потребуется много времени. Но этим отнюдь не ограничивается вклад епископа Порфирия в развитие — именно в развитие — византиноведения. Открытия открытиями, но он умел и многое предвидеть в развитии византиноведческой науки, о чем свидетельствует уже первое его посещение Афонских монастырей.

В первый раз Преосвященный Порфирий был на Афоне чуть менее года, да при этом два месяца из этого срока ему пришлось провести в Константинополе по причине тяжелой болезни, то есть совокупный срок его работы на Афоне был еще меньше. Повторюсь: он пишет о том, что все 20 Афонских монастырей, которые ему довелось посетить, все скиты и отдельные келлии, — все это он посещал в часы, свободные от богомоля и бесед с духовными старцами, но все это он удивительным образом успел сделать. И самое главное: уже в середине 40-х годов им совершенно четко и подробно было сказано, какой переворот в византиноведческой науке может сделать публикация Афонских актов. Причем, размах и глубина этого переворота им подробно описывается таким образом, что, обращаясь к этому ретроспективно, видишь, как много им было предсказано, насколько он умел предвидеть все те направления в изучении Афонских актов, которые, без преувеличения можно сказать, осуществляются и по сей день, правда, увы, уже не у нас на Родине, а за ее пределами — во Франции.

Но как бы то ни было, уже в 1846 году епископ Порфирий совершенно четко себе представляет, что публикация грамот Афонских монастырей, которыми он в тот первый свой приезд занимался особенно интенсивно, прежде всего поможет выверить всю хронологию Византийской империи, поможет восстановить очень важные разделы ее хозяйственной жизни, поможет осветить демографические проблемы и особенно то, на что он всегда обращал свое пристальное внимание, а именно на то, что любым образом связывает Византию либо со славянством, либо с Древней Русью. Епископ Порфирий сразу же увидел, что могут дать Афонские акты для прояснения роли славянства в истории Византии.

Его внимание, когда он работал с Афонскими актами, было обращено и на собственно филологические проблемы, на проблемы терминологические; он при знакомстве с Афонскими актами сразу же определил, какова может быть их роль в

изучении, например, латинской терминологии в составе греческой лексики Византийского периода и как это может быть использовано для решения проблем о том, в какой степени римское право влияло на Византию и на славянские народы.

Только за этот первый приезд на Афон, за те немногие месяцы, ему удалось прочитать, описать и отчасти переписать без малого 500 грамот. Представьте себе, что это совсем не книжные тексты, и даже по сравнению с рукописной книгой читать грамоты — труд нелегкий; и тогда, когда за это дело взялись уже в послевоенные годы нынешнего столетия во Франции, то пришлось создавать большой коллектив современных византинистов, оснащенных много серьезнее и щедрее, нежели это имело место с Владыкой Порфирием.

Но не только грамоты, хотя и грамоты в первую очередь, интересовали его тогда на Афоне. Равным образом он успел за этот небольшой срок прочитать без малого 250 надписей, опубликовать десятки славянских печатей и т. д. и т. п. Уже один объем того, что им было сделано, впечатляет, равно как и то, насколько он мог предвидеть те направления в изучении Афонских актов, которые будут осуществляться через многие десятилетия после его кончины.

Надо еще также сказать, если иметь в виду значение работ епископа Порфирия (Успенского) применительно к актам Афонских монастырей, что, по сути дела, за очень непродолжительное время он создал основу для публикации Афонских актов, которая потом и осуществлялась с конца прошлого столетия до 1913 года у нас на Родине. В нынешнем столетии это направление нами было утрачено, то есть все то, что создавалось Владыкой Порфирием на солидной основе и с перспективой на многие десятилетия, все это перешло несколько позже уже в другие руки.

Еще одна из несомненных заслуг епископа — это сохранение греческого и греко-православного письменного литературного наследия в монастырях Святой Земли. Здесь в первую очередь следует вспомнить о том, сколько им было сделано для сохранения, и именно сохранения, духовного наследия Синайского монастыря.

В научной литературе, и в том числе литературе последних десятилетий и даже последних лет, можно проследить некоторый скептицизм в оценке этого вклада епископа Порфирия (Успенского). Скептицизм, на мой взгляд, совершенно неоправданный, потому что, как об этом уже после кончины Владыки писал Бенешевич, издавая первые два тома описания греческих рукописей Синайского монастыря, история библиотеки этого монастыря напоминала скорее историю ее разграбления. Епископ Порфирий много сил потратил, во-первых, на то, чтобы самому подготовить описание более чем 550 списков. Во-вторых, когда в 1858 году обсуждался вопрос о том, что же делать дальше, и когда за 2 года до этого лейпцигский профессор Тишендорф через министра народного просвещения пытался добиться поддержки России с тем, чтобы он мог получить доступ к этим сокровищам Синайского монастыря, Владыкой Порфирием было совершенно четко сказано и предложено, что прежде всего России надо обратиться к архиепископу Синайскому и рекомендовать ему не продавать рукописи и не выдавать их из монастыря, но послать туда русских ученых для составления каталога описания библиотеки Синая. И что, по его мнению, было тоже важно — для наиболее значительных драгоценных кодексов рукописного собрания Синая поступить так, чтобы под гарантию Русской Миссии получить их на некоторое время для воспроизведения с последующим возвращением их на Синай.

Все это было чрезвычайно актуально к тому времени, когда шел спор между Тишендорфом и епископом Порфирием о том, как надо поступить с Синайской библиотекой и с описанием рукописей этой библиотеки. Но все это, к сожалению,

оставалось актуальным и десятилетия спустя после смерти епископа Порфирия, что еще раз показывает, насколько прозорлив он был в этом направлении. Я приведу лишь два примера: после Владыки Порфирия монастырь посещали и Гартхаузен, — знаменитый специалист по палеологии, и Бенешевич, и всякий раз при всяком посещении, между которыми было 10 или чуть более 10 лет, оказывалось, что каждый из посетителей мог получить доступ к разному количеству рукописей: по всей видимости, даже в какие-то незначительные, небольшие десятилетия, оно не оставалось постоянным. И не удивительно, что в 1915 году, в разгар Первой мировой войны, в одной из немецких газет появилось объявление о том, что мюнхенский антиквар Людвиг Розентальф предлагает к продаже собрание арабских и сирийских рукописей Синайского монастыря IX—XII столетий, — то есть то, к чему призывал Преосвященный Порфирий, имело смысл и значение не только при его жизни, но сохраняло свое значение и десятилетия спустя после его смерти.

Я хотел бы еще раз подчеркнуть то обстоятельство, что ученые занятия епископа Порфирия (Успенского) и на Афоне, и на Синае, и на Святой Земле далеко не всегда были непосредственной целью его официальной деятельности, особенно как главы Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Он отрывал на это от своей собственной жизни, действительно, без преувеличения ночные и полуночные часы, о которых он, еще работая на Афоне, писал, что многое из того, что им сделано, делалось во многие часы ночные и полуночные, «когда не спали только мы двое: я да море Афонское».

Если сравнить отношение к Преосвященному Порфирию его современников, специалистов по византиноведению, по греческой рукописной книге, то тут, к стыду своему, мы опять-таки должны признаться в том, что уже современники Владыки, например, лейпцигский тогда еще приват-доцент Виктор Гартхаузен, обращался к епископу Порфирию как к одному из лучших знатоков греческого письма. Гартхаузен работал тогда над подготовкой классического теперь уже пособия по греческой палеологии и обращался к Преосвященному за советом и с просьбой прислать одну фотографию с Порфирьевского Четвероевангелия 835 года, на что тот откликнулся молниеносно, если учитывать то, что это были 60-е годы прошлого столетия, и прислал Гартхаузену не одну фотографию, на которую тот рассчитывал, а несколько, чтоб он действительно смог увидеть переход от греческого унциала к минускулу. Владыка Порфирий из тех немногих строк, которые ему Гартхаузен направил, моментально понял, что может быть необходимо специалисту, работающему над историей греческого минускула.

Когда пытаешься в наши дни, по нашей отечественной литературе нынешнего столетия, по византиноведческой литературе, выяснить, каким был вклад епископа Порфирия (Успенского) в нашу науку и в науку международную, то с удручением констатируешь, что имя это практически не упоминается. Более того, там где оно вдруг появляется, происходит просто постыдная путаница, когда для русского византиноведения 90-х годов прошлого столетия утверждается мысль о том, что именно на эти годы приходится плодотворная издательская деятельность, я цитирую: «П. С. Успенского, которого относят к ученикам Васильевского и Федора Ивановича Успенского». Преосвященный Порфирий, конечно же, этого не заслужил, и нам грех мириться с таким положением дел, и (не) в последнюю очередь потому, что епископом Порфирием (Успенским), также как и архимандритом Антонином (Капустиним), в нашу гуманитарную науку и в науку византиноведческую был сделан вклад, который трудно переоценить.